

МОСКОВСКІЯ
ОКРЕСТНОСТИ,

W 62
336
БЛИЖНЯЯ И ДАЛЬНЯЯ,
ЗА ВОСЬМЬ ЗДАСТАВЪ,

въ историческомъ отношеніи и въ современномъ ихъ видѣ,

ДЛЯ ВЫБОРА ДАЧЪ И ГУЛЯНЬЯ.

Здѣсь также описывается характеристика и бытъ москов-
скихъ жителей дѣдовскихъ и нашихъ временъ:

Гулянья, празднества, увеселенія и другія замѣчательныя событія.
Очеркъ исторіи земледѣлія и садовъ съ древнѣйшихъ временъ.

С. М. Любецкого.

*И я выйду на широкія поля,
Тамъ прогладой такъ и вѣтъ на тебя.*

МОСКВА.

Въ Типографіи Индриха, Сръгента, д. Карлова.

1877.

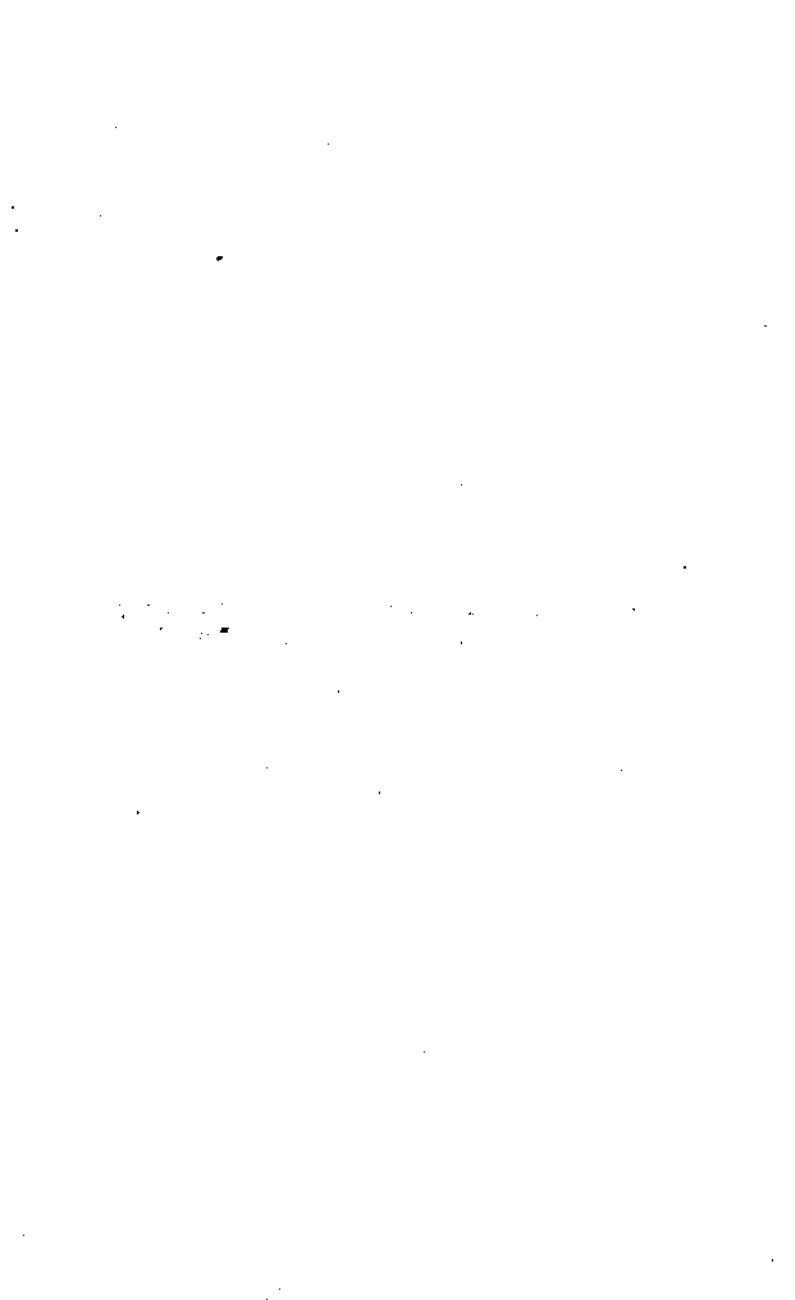

XXI - 9904

Зачислено
11235

ПОСѢЩАЕТСЯ

ЖИТЕЛЯМЪ МОСКВЫ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
ГЛАВА I. Общий взглядъ на дачи и на дачную жизнь. Наступленіе весны въ городѣ и въ деревнѣ	1
ГЛАВА II. Дачи, находящіяся за Тверской заставой и въ окрестностяхъ ея	12
ГЛАВА III. Мѣстность около Трехгорной заставы	24
ГЛАВА IV. Дачи за заставами: Калужской, Прѣсененской и Дорогомиловской	26
ГЛАВА V. Фили, Мазилово и Кунцево	36
ГЛАВА VI. Дачныя дачи за Мюзской заставой	42
ГЛАВА VII. Дачи за Крестовской заставой, по боковой сторонѣ Троицкой дороги	47
ГЛАВА VIII. Останкино, Леоново, Свиблово, Медвѣдково	60
ГЛАВА IX. Взглядъ на большія дороги вообще	82
ГЛАВА X. Алексѣевское, Ростокіно, Большія Митищи, Танинское, Пушкино, Братовщина, Поклонная гора	88
— — Софрино, Галичино, Рахманово, Воздвиженское, Гора Волкуша, Виванія, Деулино	102
ГЛАВА XI. Дачи за Сокольничьей заставой и окрестности ихъ	108
ГЛАВА XII. Мѣстности за Спасской заставой съ своими окрестностями	123
ГЛАВА XIII. Мѣстности и дачи въ окрестностяхъ заставъ Проломной и Симоновской	137
ГЛАВА XIV. Село Коломенское	142

ГЛАВА XVI. Село Кусково — Спаское; праздникъ въ Кусковѣ, по случаю прибытія въ него Имп. Екатерины II.	149
ГЛАВА XVII. Окрестности Кускова: Гиреево, Бедрино; Воздушный театръ въ немъ, Косино.	167
ГЛАВА XVIII. Продолженіе описанія окрестностей Кускова и Косина.	180
ГЛАВА XIX. Дачи и мѣстности за Серпуховской заставой: Царпыно, Дубровица и проч.	194
ГЛАВА XX. Мѣстности близъ Рогожской заставы: Воксаль и Горелки съ бывшемъ знаменитымъ своимъ садомъ.	210
ГЛАВА XXI. Близнія дачи за Мюзской заставой.	258
ГЛАВА XXII. Очеркъ исторіи земледѣлія, садовъ и украшенія ихъ съ древнѣйшихъ временъ.	271
ГЛАВА XXIII. Общій взглядъ на весеннія и лѣтнія гулянья и праздники; разныя преданія объ нихъ.	301

ГЛАВА I.

Общій взглядъ на дачи и на дачную жизнь. Наступленіе весны въ городѣ и въ деревнѣ.

У иностранцевъ каждая мѣстность, каждое зданіе, относящееся къ какой нибудь эпохѣ изъ ихъ исторіи, увѣковѣчены въ описаніяхъ. «Хочется знать старину, какова бы она ни была, хоть чужую, а своя гораздо милѣе», сказалъ Карамзинъ.

По количеству важныхъ событій въ нашей исторіи, у насъ, сравнительно, мало памятниковъ минувшаго времени, и тѣмъ заботливѣе должны мы сохранять ихъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ литературномъ отношеніи. Къ сожалѣнію, такому отношенію къ нашей старинѣ много мѣшаетъ малое знакомство съ нею, почти полное забвеніе воспоминаній, связанныхъ съ тою или съ другою мѣстностью. Чтобы не ходить далеко, укажемъ хотя на окрестности Москвы; многія изъ нихъ дышатъ историческими воспоминаніями, и грустными и отрадными; но воспоминанія эти составляютъ достояніе лишь немногихъ любителей старины.

По возможности восполнимъ этотъ пробѣлъ, но прежде всего скажемъ нѣсколько словъ вообще о дачахъ, находящихся въ окрестностяхъ Москвы^(*).

Что такое наши дачи, когда они получили свое названіе? Встарину вся Москва, со всѣми своими пригородьями, выселками и приселками, принадлежала удѣльнымъ великимъ князьямъ; а потомъ царямъ, которые раздавали земли, какъ въ самой Москвѣ, такъ и въ окружности ея, въ видѣ награды, ближнимъ своимъ боярамъ за ихъ заслуги; эти награды или подарки назывались дачами, которые находились не только на окраинахъ Москвы, но тѣснились и въ самомъ Кремлѣ. Тогдашнія загородныя мѣстности отдѣлялись отъ главныхъ частей города деревянными надолбами и рвами; а со временъ Екаторины отдѣлились камеръ-коллежскимъ валомъ^(**).

(*) Собственно о Москвѣ, о святыняхъ, о древнихъ урочищахъ и о прочемъ, много было писано (въ томъ числѣ есть и мои скромныя лепты); окрестности же ея могутъ служить дополненіемъ жизни, быта, и вообще характеристики нашей столицы.

(**) Онѣ имѣютъ въ своей окружности около 40 верстъ; самая большая ширина Москвы отъ Преображенскаго до Воробьевыхъ горъ — 11 верстъ; далѣе отъ Троицкой до Даниловской заставы — 8 съ 1/2 верстъ.

Выѣзды лѣтомъ въ подмосковныя дачи и въ свои помѣстья сановитыхъ господъ начались болѣе со временъ Петра I-го; но этимъ благомъ могли пользоваться только богатые люди. Въ концѣ прошлаго столѣтія градоначальники Москвы жили въ лѣтнее время въ Петровскомъ дворцѣ, а завѣдывающіе кремлевскою экспедиціею—въ Царицынѣ. Съ теченіемъ времени Москва стала расти богатырски и раскидываться на всѣ стороны; въ бывшія времена дачи, находившіяся въ самой Москвѣ, имѣли широкой просторъ и полную сельскую обстановку: тѣнистые сады и огороды; тогда почти у каждаго домовладыки находились плодовые деревья и ягодныя растенія, пруды, мыльники, пчельники и пр. Въ послѣдствіи времени широкія мѣстности въ Москвѣ мало по малу стали застраиваться домами; вмѣстѣ съ тѣмъ и въ окрестностяхъ столицы начали размножаться загородныя дачи; съ каждымъ годомъ потребность въ нихъ ощущалась все болѣе и болѣе.

Что нужно для дачъ?—чистый воздухъ, проточная, свѣжая вода, сухая почва земли и обиліе лѣса (преимущественно пихтъ и сосенъ). Что дачи полезны въ гигиеническомъ отношеніи, всякому извѣстно и по теоріи и по практикѣ; но требованія отъ дачной жизни не у всѣхъ одинаковы: нѣкоторые переѣзжаютъ на дачи, какъ въ лѣчебницу;

для поправленія здоровья, чтобъ жить лицомъ къ лицу съ природой; имъ нуженъ воздухъ, лѣсъ, въ которомъ бы можно было отдохнуть сладко—дремотно, подъ обмахиваньемъ древесныхъ вѣтвей, — а другіе ѣдутъ на дачи для удовольствія, третьи для какихъ-нибудь видовъ.... и живутъ въ такъ называемыхъ *загородныхъ городкахъ*, напр. въ Петровскомъ паркѣ или въ душно-пыльных Сокольникахъ или болотномъ Петровскомъ-Разумовскомъ и въ Останкинѣ, гдѣ настоящий акваріумъ, гдѣ привольно жить земноводнымъ. Многіе обращаютъ вниманіе на внѣшность дачныхъ пріютовъ, на ихъ фигурныя физіономіи, на игрушечные висячіе балкончики, увитые плющемъ и т. д. Инымъ нуженъ не отдыхъ на дачахъ, но балы, концерты, фейерверки и изысканный туалетъ (вериги своего рода). Но лѣтняя природа за городомъ даетъ свои даровые концерты: дремотный, но гармоническій шумъ дубравъ, глухіе раскаты грома, солистъ-соловей, меланхолическіе высвисты иволги, игривый, веселый жаворонокъ и другіе пернатые южные переселенцы—вотъ самоучки артисты для загородныхъ концертовъ; а огненные пороховыя потѣхи замѣняются тамъ грозной красотой — зигзагами молніи, обливающей огнемъ своимъ темныя облака или вспышками восходящаго и закатнаго солнца, подобными бенгальскому огню. Вдали отъ горо-

довъ живѣе бьется пульсъ жизни. У всякаго свой вкусъ и чувства: иные любятъ гулять до усталости, до изнеможенія, другіе устаютъ лежавши или сидя за картами.

Лишь только мѣсяцъ Мартъ (бокогрѣй) начнетъ принимать въ свое распоряженіе природу, всѣ газеты наполняются объявленіями, зазывными приглашеніями на дачную жизнь въ разныхъ близкихъ и дальнихъ загородныхъ мѣстностяхъ, окружающихъ нашу столицу. Еще медъ затягиваетъ лужи тонкимъ слоемъ, снѣжные мотыльки кружатся въ воздушномъ океанѣ, еще густые туманы, будто прозрачнымъ газомъ, обволакиваютъ природу, еще многіе горожане прогуливаются по московскимъ тротуарамъ, укутанные въ пушистые мѣха и обутые въ камчадалскіе сапоги, а мысли о наймѣ дачъ уже тѣснятся въ ихъ воображеніи.

Въ Мартѣ городскимъ жителямъ едва замѣтно наступленіе весны; изъ большихъ городовъ зиму выгоняютъ ломами, топорами, сѣрѣками, метлами, растопленный снѣгъ сметается съ тротуаровъ, мостовыя обнажаются, по нимъ скрипятъ еще санные полозья, а порою пограмыхиваютъ уже колеса; но посмотрите что дѣлается въ деревняхъ еще при раннемъ наступленіи весны, съ какими нетерпѣніемъ ожидаютъ поселяне появленія ея.

Ксенія полухлябница уже давно прошла, половина запаснаго хлѣба давно уже съѣдена, пора подумать о новомъ посѣвѣ; старинная русская поговорка говорить: «не будетъ пахотника, не будетъ и бархатника».

У поселянъ свой календарь; вотъ наступаетъ *Василій капельникъ*, онъ пожметъ зиму и, говорить, съ тѣхъ поръ она заплачетъ капельками, подтаенные снѣга зароняютъ слезки съ крышъ. { *Съ Евдоіи* исчезаютъ морозы лихіе, а тутъ за ними слѣдуетъ *Герасимъ грачевникъ*, прилетаютъ грачи черноносые, а за нимъ и жаворонокъ, веселые летунчики-дѣвунчики, игруачики, вотъ и *Федуль* тепломъ вѣшнимъ подулъ, а тамъ скоро и *Агафьи-Руфьи*, весь ледъ порушить и *Дарьи прорубницы*, намочить бабамъ хвосты, а батюшка *Антимъ водополю* всю зиму помететъ, столкнетъ, а тамъ ужъ оглобли выверни, да сани убирай подъ навѣсъ, вплоть до *Ермея запрягальника*; стихія Божья, стихія вольная вода повсюду разливается, а на Апостола *Пуда* ужъ и пчелокъ вынимаютъ изъ подъ спуда.

Да, послѣ крутой зимы, жгучихъ морозовъ и полугодоваго оцѣпененія природы, отрадно видѣть проблески, кѣкъ будто помолодѣвшаго, солинышка, выводящаго за собой весну красную; впрочемъ зима отступая, не вдругъ еще передаетъ права свои

веснѣ, она еще упирается и огрызается морозами и вьюгами.

Вотъ наступаетъ и Апрѣль, часто суровый (такое-то пятое время года), свирѣпый Берегъ тормошитъ, ерошитъ обнаженные макушки деревъ, весеннее солнце еще плохо, недобросовѣстно исправляетъ свою должность, а мысли о наймѣ дачъ у горожанъ не охлаждаются порывистымъ вѣтромъ, поддерживаемая надеждой на щедрый бенефисъ, даваемый намъ лѣтомъ природою. Въ городахъ все еще идетъ по прежнему, декорація почти все таже. Но въ деревняхъ, при вѣяніи ласковаго вѣтерка, жизнь начинаетъ уже мало по малу шевелиться между поселянами. Въ началѣ Апрѣля, а иногда съ Благовѣщенія, они переселяются изъ избы спать въ избытки, въ сарай и въ холодники; старики, кряхтя, спускаютъ босыя ноги съ полатей и кутниковъ, надѣваютъ ошурки, оттопки и переселяются съ вочедыномъ на завалинки, на припекъ солнышка, ковырять лапоть; старухи также покидаютъ свое теплое гнѣздо—печку, взрослые ребята, въ тулупахъ, въ накидку, выходятъ изъ избъ своихъ отмыкать тропицы изъ припуренныхъ окошекъ, чтобъ пропустить свѣжій воздухъ въ свои закопѣлыя жилища и снять съ полуразвалившихся трубъ опрокинутые горшки. И вотъ съ приближеніемъ весны, приближается

и свѣтлый праздникъ, молодежь начинаетъ охораниваться, дѣвки сбрасываютъ съ себя кислые овчинные шубняки и напяливаютъ лѣтніе кумачныя сарафаны; парни, мѣняютъ бараньи (бяковыя) шапки и треухи на полковныя шляпы, сбрасываютъ зипуны и надѣваютъ красныя рубахи съ запонками, затыкаютъ за поясъ мѣдную расческу и предовольные собой, выходятъ на улицу; но погодите, еще не насталъ Егорій съ *припекомъ*, еще щука не разбила хвостомъ своимъ ледъ на рѣкѣ, еще птичка овсянка не запѣла *веснянки*, а дѣвица красная свою завѣтную пѣсенку: *скучно, матушка, весною жить одной*; еще дѣвушки не бѣгали на рѣку потерпнуть свѣжей водицы, пока воронъ не взмугилъ ее, не обмочилъ въ ней крыла своего, еще черноносые грачи не облепили макушки сосенъ, какъ черными шапками, хотя домовитые большаки (хозяева домовъ) уже справили сохи, закрѣпили въ боронѣ зубья и перетянули шины на колесахъ.

Но вотъ, особенно на солнцепекѣ, остатокъ снѣга уже растопился, побурѣлъ, блеснули ручьи на поляхъ, забѣгали змѣйками, заиграли, зарѣзались, какъ шаловитыя дѣти—вотъ поднялся паръ отъ земли, это она *отходитъ*, надъ ней виснуть, бѣгутъ въ перегонку лиловыя или аспиднаго цвѣта облака, чреватая дождемъ, вотъ они какъ будто

лопнуть, изъ нихъ брызнетъ живительная влага, природа оросится, омоется ею; вотъ раздается небесная канонада, первый раскатъ грома, пора очнуться природѣ, и дѣятельно приняться за свое хозяйство. Вотъ послышатся гулкія и горячія пѣсни прилетныхъ птицъ, для нихъ также наступаетъ время обзаводиться своимъ семействомъ, подумать о потомствѣ. При первомъ весеннемъ дождѣ, въ селеніяхъ поется пѣснь:

Пади дождь,
На бабину рожь,
На дѣдову пшевицу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ.

При первомъ громѣ есть обыкновеніе умываться съ золота или серебра, а въ деревняхъ съ куриного яйца. Видятъ ли горожане вполне великолѣпную картину водопада?—у насъ рѣка сжата гранитными берегами, но посмотрите на иную, хотя по виду скромную, небольшую рѣчку за городомъ, гдѣ нѣтъ ей преградъ, посмотрите, какъ она вздымается, подымаетъ постепенно ледяную грудь свою и вдругъ съ трескомъ, съ грохотомъ взметнетъ ее, и послышится какая-то хрустальная музыка, задвигаются чудовищныя глыбы сизаго льда, напирающія другъ на друга, вода, стремительно вырвавшаяся изъ цѣпей своихъ, разметется и разольется